

О НОВЕЙШЕЙ РАБОТЕ ОТНОСИТЕЛЬНО СУДЕБ БУДДИЗМА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Редколлегия журнала «Вестник древней истории», как мне представляется, весьма своевременно предложила провести дискуссию относительно основных проблем истории буддизма в Средней Азии. Два обстоятельства, я полагаю, подталкивают к этому.

Во-первых, в силу ряда объективных причин, о которых нет необходимости здесь упоминать, масштабы археологических работ в Средней Азии резко сократились. Соответственно этот вынужденный перерыв в полевых работах может быть использован исследователями для более внимательного осмысления уже накопленного материала. Во-вторых, появление книги, в которой автор делает попытку дать обобщающий очерк истории буддизма в Средней Азии. Я имею в виду книгу Б.Я. Ставиского «Судьбы буддизма в Средней Азии»¹. Некоторые особенности данной книги вынуждают к ее достаточно подробному рассмотрению и анализу как выводов, так и методов их достижения. Отмечу, кстати, что основные идеи книги Б.Я. Ставиский поспешил довести и до зарубежного читателя, не владеющего русским языком².

Поэтому в данной дискуссии я взял на себя труд проанализировать эту последнюю по времени обобщающую работу, несмотря на то что она уже была отрецензирована, хотя и достаточно кратко³. Книга Б.Я. Ставиского, как следует из ее названия, посвящена самым общим проблемам истории буддизма в Среднеазиатском регионе и достаточно полемична. Она претендует, как я постараюсь показать ниже, на полный пересмотр существующих в настоящее время представлений по этой теме. Я считаю себя вправе попытаться оценить ее, так как никогда не писал ничего о судьбах буддизма в Средней Азии в целом, а мои весьма немногочисленные работы, связанные с данной проблематикой, всегда касались только одного сюжета – буддийских памятников Мервского оазиса.

Начну с чисто формального описания содержания книги. Сначала идет «Введение», затем следуют разделы: «Краткий очерк истории открытия и изучения буддийских памятников в Средней Азии», «Буддийские памятники Средней Азии: размещение, характер, датировка» (его, видимо, можно считать основной частью книги) – он состоит из двух частей, определяемых индексами А и Б: А называется «Буддийские постройки» и делится на параграфы по географическому принципу: Северная часть Бактрии-Тохаристана, Мерв, Согд, Фергана, Семиречье, Б – «Важнейшие находки предметов, связанных с буддизмом» (здесь автор использует иной принцип организации материала и делит его по характеру предметов; представлены следующие категории: «Рукописный документ на бересте», «Каменная скульптура», «Ганчевая скульптура», «Терракота», «Налепы и оттиски штампов на керамических сосудах», «Культовые изделия из металла и кости»). Заключает этот раздел «Перечень мест в Средней Азии, где были найдены буддийские памятники: алфавитный индекс». Раздел «Судьбы буддизма в среднеазиатских областях I тысячелетия н.э. (в свете археологических данных)», видимо, можно понимать как заключение, затем идут четыре экскурса: «Ступы Средней Азии», «Буддийские монастыри Средней Азии», «Буддийские храмы Средней Азии», «"Дом символов" и "дом образа" в буддийских памятниках Средней Азии», а также «Примечания», «Список сокращений», «Послесловие: слова благодарности». Завершает работу «Приложение», написанное В.В. Вертоградской («Находки индоязычных буддийских письменных памятников в Средней Азии»).

Укажем на определенную нелогичность в построении книги. Совершенно не ясно, почему в основной части книги, где представлены главные фактические материалы, один раздел организован по географическому принципу, а второй – по категориям материала. Гораздо логичнее было бы использовать единый принцип. Видимо, осознавая этот недостаток, автор вставляет в конце раздела упомянутый выше «Перечень». При нормальной организации материала место его должно было бы находиться в конце работы, представляя

¹ Ставиский Б.Я. Судьбы буддизма в Средней Азии. М., 1998.

² Stavisky B.J. The Fate of Buddhism in Middle Asia (in the Light of Archaeological Data) // Silk Road Art and Archaeology, 3, Kamakura, 1993/94. P. 113–142.

³ См. Сердитых З.В. Рец. на кн.: Ставиский Б.Я. Судьбы буддизма в Средней Азии. М., 1998 // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VII. Москва – Магнитогорск, 1999. С. 358–361.

собой обычный «Указатель». Совершенно непонятно – зачем понадобились отдельные «Экскурсы». Их естественное место – в «Заключении».

Начнем рассмотрение содержания книги в том порядке, как это сделал автор. Во «Введении» Б.Я. Ставиский «широкими мазками» рисует культурно-историческую картину – своего рода фон, на котором должна быть представлена история буддизма в данном регионе. Отметим прежде всего, что этот раздел переполнен фактическими ошибками, число и характер которых просто поражают. На часть этих ошибок уже указала З.В. Сердитых в своей рецензии. Приведем примеры, отчасти заимствованные у З.В. Сердитых.

1. Богиня Анахита Б.Я. Стависким определяется как переднеазиатское божество, проникшее в Среднюю Азию только при Ахеменидах (с. 7), хотя широко известно, что Анахита – одно из древнейших иранских божеств, засвидетельствованное уже в Младшей Авесте, но, вероятнее всего, почитавшаяся еще до реформы Заратуштры⁴.

2. Б.Я. Ставиский почему-то утверждает, что Александр Македонский умер в 322 г. до н.э. (с. 7), хотя точно установленная дата – 323 г. до н.э.⁵

3. Автор пишет, что Греко-Бактрия возникла «на руинах» государства Селевкидов (с. 7). Однако середина III в. до н.э. ни в коей мере, как справедливо отмечала З.В. Сердитых, не может считаться временем упадка Селевкидского государства. Это был временный кризис, очень скоро преодоленный. При Антиохе III Селевкиды восстановили свой контроль над утерянным ранее Востоком и Малой Азией, отвоевали у Птолемеев Южную Сирию и Палестину, вели жесткую борьбу с Римом на полях Эллады⁶. Даже после поражения от Рима и его союзников в 189 г. до н.э. Селевкиды знали периоды подъема. Например, при Антиохе IV ими был завоеван даже Египет, оставленный только после римского ультиматума. Отметим, кстати, что говорить о браке между сыном Евтидема и дочерью Антиоха без оговорок не стоит. Деметрию дочь была обещана, но о самом факте брака источники умалчивают.

4. Удивляет описание Б.Я. Стависким процесса возникновения Парфянского государства. Он указывает, что это государство родилось благодаря вторжению в Парфию кочевников парнов, во главе которых стояли два брата: Аршак и Тиридат (с. 7). Широко известно, что возникновение этого государства описывают две литературные традиции. Согласно одной из них, его возникновение – результат восстания против селевкидского правителя, во главе которого стояли эти два брата, согласно другой – результат кочевнического вторжения, во главе которого стоял один Аршак⁷. Следовательно, либо кочевническое вторжение и тогда – один Аршак, либо два брата, но тогда – восстание. Соединять без какой-либо аргументации две версии – не очень серьезно.

5. Нельзя, как это делает Б.Я. Ставиский, утверждать, что Александру Македонскому «не удалось утвердиться» в районе устья Инда (с. 8). Достаточно бегло прочитать сообщения источников, чтобы понять, что Александр достиг устья Инда, построил здесь флот и основал город. Широко известное плавание флота Нearchа по Индийскому океану началось именно от устья Инда⁸.

6. Странным выглядит описание автором завоевания Индии греко-бактрийцами. Он считает это деянием двух царей: Деметрия и Менандра (с. 8). При этом никак не оговаривается тот факт, что в литературе уже давно бытует точка зрения о существовании нескольких Деметриев⁹, точка зрения, которая сейчас, кажется, твердо доказанной¹⁰.

⁴ Дандамаев М.А. Иран при первых Ахеменидах. М., 1963. С. 237; Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 312–313; Boyce M. A History of Zoroastrianism. V. I. Leiden. 1975. P. 71–74; Gnoli G. De Zoroastre à Mani. P., 1985. P. 55–57.

⁵ Известны даже день и месяц – 10 июня. См., например: Faure P. Alexandre. P., 1985. P. 140.

⁶ См., например: Sherwin-White S., Kuhrt A. From Samarkand to Sardis. A new Approach to the Seleucid Empire. L., 1993. P. 215–216.

⁷ См. многочисленные работы И. Вольского, особенно: Wolski J. L'empire des Arsacides. Lovain, 1993, где указана и вся предшествующая литература.

⁸ См. Bosworth A.B. Conquest and Empire. The Reign of Alexander the Great. Cambr., 1995. P. 139–141.

⁹ См. Macdonald G. The Hellenistic Kingdoms of Syria, Bactria and Parthia // The Cambridge History of India. V. I. Ancient India / Ed. E.J. Rapson. Cambr., 1922. P. 448; Tarn W.W. The Greek in Bactria and India, 2-nd ed. Cambr., 1951. P. 77–78; Narain A.K. The Indo-Greeks, Oxf., 1957. P. 27–45.

¹⁰ Audouin R., Bernard P. Trésor de monnaies indiennes et indo-grecques d'Aï Khanoum (Afghanistan) // RN. 1974. P. 34–36; Bernard P. Fouilles d'Aï Khanoum IV. Les monnaies hors trésors. Questions d'histoire gréco-bactrienne. P., 1985 (MDAFA, 27); Boppearachchi O. Monnaies gréco-bactriennes et indo-grecques. Catalogue raisonné. P., 1991. P. 49–54, 65–66.

В свете этой концепции Деметрий I (сын Евтидема) завоевал только Арахосию и Паропомисады – области с преобладающим ираноязычным населением, а завоевания в собственно Индии – результат деятельности Деметрия II. Кстати, не совсем понятно, почему автор говорит о Меленде – в нашей литературе принято написание Милинда¹¹, а в западной (англоязычной, немецкой, французской) – Milinda или Milindo¹².

7. Совершенно непонятно, на чем основано утверждение Б.Я. Ставиского относительно того, что на монетах царя Менандра встречаются буддийские символы (с. 8). В чекане Менандра I (Менандра Сотера, при котором была завоевана значительная часть Индии) известны следующие типы (кроме изображения бюста самого царя): бюст Афины, сова, Афина Алкидемос, щит, Ника, идущая лошадь и лошадь, поднявшаяся на дыбы, дельфин, наконечник, копьё, дубина (Геракла), треножник, голова быка, львица, пальма¹³. Отметим, что только эти типы представлены на монетах, имеющих индийские легенды. Ни один из этих символов не может быть истолкован как буддийский.

8. Удивительным кажется также утверждение, что греки (имеются в виду греки, жившие в Бактрии) «учились в палестре» (с. 8). Как известно, в палестре занимались спортом. Учились греки в школе¹⁴.

9. Не ясно, как «знаменитый эдикт Ашоки в районе Кандагара» может свидетельствовать «о появлении на землях нынешнего Афганистана буддийских общин» (с. 8). Прежде всего удивляет то обстоятельство, что Б.Я. Ставиский упоминает только один эдикт. В Кандагаре было найдено несколько документов этого типа: греко-арамейская билингва¹⁵, греческая надпись, представляющая собой конец XII и начало XIII эдикта¹⁶, наконец, надпись арамейским алфавитом, но на двух языках (арамейском и пракрите), также восходящая к эдиктам Ашоки¹⁷. Однако ни одна из этих надписей не позволяет прямо говорить о существовании здесь буддийских общин, поскольку в них передается царская концепция дхармы¹⁸.

10. Странным представляется и утверждение Б.Я. Ставиского о том, что культ Митры в Рим принесли из Парфии торговцы и легионеры (с. 9). В источниках имеется прямое указание, что первыми познакомили с этим культом римлян киликийские пираты (Plut. Rompr. XXIV)¹⁹.

11. Еще более странным кажется аналогичное утверждение в отношении Сераписа (с. 9). Совершенно несомненно его египетское происхождение. При этом абсолютно ясно, что этот культ возник еще до эпохи Александра и Птолемеев. Раннеэллинистическое время ознаменовалось определенной трансформацией культа, сделавшей его привлекательным для греков²⁰. Отметим только в качестве примера, что начало публичного отправления культа Сераписа в Афинах относится к 226–222 гг. до н.э.²¹

12. Вызывает удивление мысль Б.Я. Ставиского о том, что из римских владений несторианство проникло в Парфию (с. 9). Несторианство никак не могло проникать в Парфию, поскольку в период существования этого государства несторианство еще не возникло. Как хорошо известно, само учение Нестория – продукт христологических споров V в. н.э., а несторианская доктрина была принята «Церковью Востока» на Соборах 486 и 497 гг.²²

¹¹ См., например: Вопросы Милинды (Милиндапаньха) / Пер. с пали, предисл., исследование и коммент. А.В. Парибка. М., 1989.

¹² См., например: The Questions of King Milinda. Translation from the Pali by T.W. Rhys Davids. Oxf., 1890; Die Fragen des Milindo. Aus dem Pali... / Übers. von Nyantitoka. Bd I, Lpz, 1919. Bd II. München – Neubiberg, 1924.

¹³ *Voppearachchi*. Monnaies... P. 226–247.

¹⁴ См., например: Колобова К.М., Озерецкая Е.Л. Как жили древние греки. Л., 1959. С. 79–93.

¹⁵ Schlumberger D., Robert L., Dupont-Sommer A., Benveniste E. Une bilingue gréco-araméenne d'Asoka // JA. 1958. 246. P. 1–48.

¹⁶ Schlumberger D. Une nouvelle inscription grecque d'Acoka // CRAI. 1964. P. 126–140; Benveniste E. Édits d'Asoka en traduction grecque // JA. 1964. 252. P. 137–157.

¹⁷ Benveniste E., Dupont-Sommer A. Une inscription Indo-Araméenne d'Asoka provenant de Kandahar (Afghanistan) // JA. 1966. 254. P. 437–465.

¹⁸ Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. М., 1985. С. 242–245.

¹⁹ Vermaseren M. Mithra, ee dieu mysterieux. Bruxelles, 1961. P. 23.

²⁰ Preaux C. Le monde hellénistique. T. II. P., 1978. P. 649–653.

²¹ Dunand F. Le culte d'Isis dans le bassin orientale de la Méditerranée. II. Le culte d'Isis en Grèce. Leiden, 1973. P. 8–9.

²² Asmussen J.P. Christians in Iran // Cambridge History of Iran. V. 3(2). The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods / Ed. E. Yarshater. Camb., 1983. P. 943–945.

Таким образом, между падением Парфии и появлением несторианства прошло более двух с половиной веков.

13. Нельзя безоговорочно согласиться с мнением Б.Я. Ставиского о том, что сасанидское наместничество в Бактрии практически известно только на основании одних монет. Имеются и другие источники²³.

В раздел книги «Краткий очерк истории изучения буддийских памятников Средней Азии», к счастью, не так много грубых ошибок, как во «Введении». Однако в прим. 1 (на с. 179)²⁴ имеется очень странное утверждение автора: к числу территорий к востоку от Средней Азии относится Казахстан. Однако взгляда на карту достаточно, чтобы понять неточность этого утверждения. Кроме того, первая фраза этого раздела книги звучит следующим образом: «Замечательные открытия в конце XIX – начале XX в. буддийских памятников Афганистана и Синьцзяна стимулировали интерес к буддизму в Средней Азии...» (с. 13). Если в применении к Синьцзяну это утверждение справедливо, то в отношении Афганистана нуждается в определенной корректировке. Вопреки утверждению Б.Я. Ставиского, в Афганистане важнейшие открытия буддийских памятников были сделаны ранее – в середине XIX века и позднее – начиная с 30-х годов (после создания в 1922 г. Французской археологической делегации в Афганистане). Именно конец XIX – начало XX в. был наименее продуктивным периодом с точки зрения обнаружения и исследования буддийских памятников²⁵.

Главный недостаток этого раздела, однако, заключается не в этих ошибках, а в том, что намерения автора, заявленные в названии главы («Краткий очерк истории открытия и изучения буддийских памятников в Средней Азии»), разошлись с тем, что в ней реально представлено. В главе практически имеется только лишь краткая хроника археологических раскопок буддийских памятников и нет почти ни слова о тех работах, в которых дано осмысление истории буддизма, кроме достаточно голословных упреков в адрес ряда исследователей в нескольких строках. Примером таких явно чрезмерных упреков являются те слова, которые написаны по поводу Г.А. Пугаченковой. Б.Я. Ставиский упрекает Г.А. Пугаченкову за то, что в одной из своих статей²⁶ она называет открытие Айртама началом изучения буддийского искусства в Средней Азии. Он же считает, что приоритет должен быть отдан А.С. Стрелкову. Однако необходимо указать, что именно с Айртама начались археологические раскопки буддийских памятников Средней Азии. Как ни важны были отдельные наблюдения А.С. Стрелкова, все же это было только наблюдения и предположения. Для оценки степени правильности их нужны были раскопки. Это касается в первую очередь определения А.С. Стрелковым башни Зурмала как буддийской ступы²⁷ – в то время это было не более чем предположением, которое нужно было еще доказывать. И доказала это именно Г.А. Пугаченкова, проведя там раскопки²⁸. Сборы же фрагментов каменной архитектуры и скульптуры на городище Старого Термеза²⁹ также не имели в то время доказательной силы. Они на тогдашнем уровне изученности могли быть истолкованы по-разному.

Характерной особенностью историографического очерка (да и вообще всей работы) является совершенно четко проводимое Б.Я. Стависким деление всех исследователей буддизма в Средней Азии на «милых» и «постылых». Первым прощается все, вторым ставится всякое лыко в строку. По поводу мнимого удревления ступы на Гауяркале (Старый Мерв) автор счел необходимым писать в шести местах (с. 22, 94–100, 158–159, 166, 183, 194). В то же время, например, отнесение К.В. Тревер³⁰ рельефов Айртама к греко-бактрийскому

²³ См., например, источники, представленные в книге: *The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars AD 226–363. A Documentary History / Compiled, ed. M.H. Dodgeon, S. N. C. Lieu. L. – N.Y., 1994.*

²⁴ Автор не избежал досадных «ляпов» даже с примечаниями. Примечания (расположенные в конце текста) к данному разделу почему-то имеют заголовок «Введение».

²⁵ Подробнее см. *Hammond N., Allchin F.R., Introduction // The Archaeology of Afganistan from Earliest Times to the Timurid Period / Ed. F.R. Allchin, N. Hammond. London – New York – San Francisco. 1978. P. 5–7.*

²⁶ *Pugachenkova G.A. The Buddhist Monuments of Airtam // Silk Road art and Archaeology. 2. 1991/92. Katamura, 1992.*

²⁷ *Стрелков А.С. Зурмала или Катта-тюпе около Термеза // Культура Востока. Сб. Музея Восточных культур. Вып. 1. М., 1927. С. 27–30.*

²⁸ *Пугаченкова Г.А. Две ступы на юге Узбекистана // СА. 1967. № 3. С. 257–263.*

²⁹ *Стрелков А.С. Доисламские памятники древнего Термеза // Культура Востока. Сб. Музея Восточных культур. Вып. 2. М., 1928. С. 41–47.*

³⁰ *Тревер К.В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.-Л., 1940. С. 149–158.*

времени (достаточно грубая ошибка даже на том уровне изученности)³¹ упоминается только в примечании 68 на с. 186 в очень мягкой форме («время, прошедшее после издания этой книги, внесло лишь поправку в предлагаемые К.В. Тревер даты рельефов в сторону их омоложения»)³².

В общем, этот раздел книги разочаровывает, хотя и не в такой степени, как «Введение».

Раздел «Буддийские памятники Средней Азии: размещение, характер, датировка» – основной. В нем, как указывалось, представлены фактические материалы, в первой части – по постройкам, во второй – по отдельным предметам. В первой части дано описание памятников северной части Бактрии-Тохаристана (всего 16 памятников), Мерва (2 памятника), Согда (1 предполагаемый памятник), Фергана (1 памятник), Семиречье (7 памятников).

К сожалению, эти материалы не могут считаться полноценно проинтерпретированными. Фактически этот раздел представляет собой не очень качественную компиляцию из опубликованных ранее работ различных исследователей. Б.Я. Ставиский просто в сокращенном виде приводит их описания памятников и выводы. Собственные соображения автора минимальны. Кроме того, в тех случаях, когда он не согласен с мнением своего предшественника, его критика носит, как правило, «догматический» характер. Автор, в сущности, почти никогда не аргументирует свою позицию, считая ее само собой единственно правильной. Наконец, достаточно много в тексте и фактических ошибок. Практически по поводу представления почти каждого из памятников Б.Я. Стависким можно высказать определенные критические соображения. Однако в статье подобного рода это невозможно, поэтому ограничимся только отдельными примерами.

Несколько примеров фактических ошибок. Они начинаются уже с текста, посвященного Кара-тепе в Старом Термезе. Достаточно посмотреть на планы 3 и 4: на первом дан схематический план Кара-тепе, а на втором – план комплексов А, Б, В, Г, Д и Е на южной вершине. Отметим, что на первом из них отсутствуют указания на стороны света. Но гораздо важнее то, что имеются разночтения в планах. Очень показательно следующее обстоятельство: часть комплекса Кара-тепе (объект Z) раскапывалась группой сотрудников Эрмитажа под руководством Т.И. Зеймаль. Этот объект не указан на плане. При описании материалов «безымянного комплекса близ северо-восточного угла Старого Термеза» автор, указывая на публикацию индийских надписей, происходящих с этого памятника, почему-то ссылается на статью А.С. Стрелкова 1927 г. (с. 51). Примеры легко могут быть умножены.

Еще больше примеров того, как автор «аргументирует» свое несогласие с теми или иными положениями своих предшественников. Как мы уже указывали, одно из сооружений на Кара-тепе раскапывалось группой специалистов из Эрмитажа под руководством Т.И. Зеймаль. Руководитель раскопок датировала это сооружение периодом «не ранее IV–V веков». Б.Я. Ставиский в примечании не принимает эту датировку как слишком позднюю, но не приводит ни одного аргумента в поддержку своего мнения. При трактовке материалов Фаяз-тепе Б.Я. Ставиский отвергает некоторые предположения автора раскопок (Л.И. Альбаума), совершенно не затрудняя себя аргументацией. Например, таким образом он отмечает предположение о том, что одной из центральных фигур в живописи святилища было изображение Канишки. То же самое мы видим и при изложении материалов Уштур-Мулло. Автор никак, в сущности, не аргументирует свое разногласие с Т.И. Зеймаль относительно даты второго периода существования ступы. Т.И. Зеймаль относит начало его к VI в., Б.Я. Ставиский – к V в. Буддийский комплекс близ Дальверзин-тепе Г.А. Пугаченкова и Б.А. Турунов предлагают датировать временем Вимы Кадфиза, Б.Я. Ставиский же – временем Канишки I и его ближайших преемников. Вместо аргументации – самые общие слова.

Иногда автор оставляет без всякого ответа естественно встающие вопросы, например, когда имеются разногласия между его предшественниками. В частности, при пересказе результатов исследований Айртама, он в сущности не высказывает своего отношения к вопросу о концепции П. Бернара относительно расположения блоков фриза. Он также не выявляет своего отношения к двум точкам зрения – П. Бернара и Г.А. Пугаченковой – относительно изображений на найденной там плите с бактрийской надписью.

³¹ См., например, рецензию на данную книгу: *Ростовцев М.И.* // АЖА. 1942. XLVI. № 2. Р. 294–301. В рецензии отвергается либо датировка, либо бактрийское происхождение основной массы произведений, относимых К.В. Тревер к числу греко-бактрийских. Кроме того, важны также и упреки методического характера.

³² М.И. Ростовцев (ук. рец., с. 300) уже тогда решительно отвергал датировку греко-бактрийским временем этих рельефов, относя их к первым векам нашей эры.

При описании памятников Семиречья автор никак не откликнулся на предположение В.Д. Горячевой и С.Я. Перегудовой о том, что один из памятников на городище Красная речка был не буддийским, а манихейским³³. Странно, что не названа работа Б.А. Литвинского, в которой дан комментарий на статью В.Д. Горячевой и С.Я. Перегудовой³⁴ (хотя он упоминает ее в примечаниях к «Заключению»).

Некоторые утверждения автора просто невозможно понять. Это характерно и в отношении того памятника, который раскапывал он сам, – Кара-тепе. Хронология памятника представлена в данной работе весьма туманно, особенно это касается самого последнего периода его существования. Читатель должен согласиться, что формулировки Б.Я. Ставиского достаточно дезориентирующие: «Возник он [буддийский комплекс Кара-тепе], скорее всего, во время царствования Канишки I (вероятно, в начале II в. н.э.), период его расцвета приходился, видимо, на II–IV вв. В IV в. (или в конце III–IV в.) значительная часть его была заброшена или даже разрушена» (с. 41). Как мог расцвет памятника приходиться на время, когда его значительная часть была заброшена или даже разрушена? Столь же невнятен Б.Я. Ставиский и при определении даты окончательного запустения Кара-тепе. При описании памятника говорится о прекращении там жизни в конце V в. н.э. (с. 43), а в заключительной части книги речь идет о разгроме в IV в. (с. 158). Думается, что более правы те исследователи, которые относят полное прекращение жизни здесь к более позднему времени. В.В. Вертоградова предлагает датировать это явление V – началом VI в. н.э.³⁵ С этим согласуется и датировка позднейшего, третьего периода существования буддийского монастыря, предложенная Т.Е. Зеймаль, – V – первая половина VI в. н.э. Она считает, что хронология многих материалов из раскопок 60–80-х годов XX в. должна быть пересмотрена³⁶.

Думается, подобная невнятица в утверждениях Б.Я. Ставиского порождена тем, что автор не учитывает целого ряда новых открытий и исследований, которые позволяют уточнить даты последних этапов существования Кара-тепе, как буддийского культового центра. Автор повторяет свои утверждения, высказанные более четверти века тому назад. Я имею в виду известную проблему, связанную с замуровыванием части одного из помещений, строительством алтаря огня и появлением на стенах того же самого помещения среднеперсидских надписей. Насколько мы можем судить, наиболее развернутая трактовка этой проблемы была дана еще в 1972 г.³⁷ Тогда Б.Я. Ставиский и Б.И. Вайнберг полагали, что появление и алтаря огня, и среднеперсидских надписей связано с завоеваниями Сасанидов и созданием кушанского наместничества на завоеванных территориях. События эти они относили к концу к 70-х годов IV в. н.э., опираясь на датировку кушано-сасанидских серий монет В.Г. Луконина и Р. Гебля. Характерно, что Б.Я. Ставиский и Б.И. Вайнберг не упомянули ни одного из авторов (за исключением В. Хеннинга), придерживавшихся уже в то время иной датировки этого завоевания³⁸. При этом к числу сторонников поздней датировки кушано-сасанидских монетных серий они относили и Э.Д. Бивара, хотя он им не в коем случае не является³⁹. Любопытно указать, что во вводной части статьи Б.Я. Ставиский и Б.И. Вайнберг постоянно цитировали надписи Картира, которые ни в коем случае нельзя относить к IV в., а только к III в.

³³ Горячева В.Д., Перегудова С.Я. Буддийские памятники Киргизии // ВДИ. 1996. № 2. С. 183.

³⁴ Литвинский Б.А. Еще о буддийских памятниках Семиречья (Киргизия) // ВДИ. 1996. № 2. С. 191–193.

³⁵ Вертоградова В.В. Индийская эпиграфика из Кара-тепе в Старом Термезе. Проблемы дешифровки и интерпретации. М., 1995. С. 46.

³⁶ Зеймаль Т.И. О двух этапах распространения буддизма в Северном Тохаристане // Эрмитажные чтения 1986–1994 годов памяти В.Г. Луконина. СПб., 1995. С. 37–41; Zeymal T.I. On the Chronology of the Buddhist Site of Kara-Tepe // Coins, Art and Chronology. Essays on the Pre-Islamic History of the Iranian Borderlands. Wien, 1999. P. 413–417.

³⁷ Ставиский Б.Я., Вайнберг Б.И. Сасаниды в правобережной Бактрии (Тохаристане) в IV–V вв. // ВДИ. 1972. № 3. С. 185–190.

³⁸ См., например: Bataille G. Notes sur le numismatique des Koushans et Koushan-Shahs Sassanides // *Archéologie*. 1928. 5; Herzfeld E. Kushano-Sasanian Coins (Memoires of the Archaeological Survey of India, № 38). Calcutta, 1930.

³⁹ См. Bivar A.D.H. The Kushano-Sasanian Coins Series // *The Journal of the Numismatic Society of India*. 1956. 18; *idem* The Absolute Chronology of the Kushano-Sasanian Governors of Central Asia // *Prolegomena to the Sources of the History of Pre-Islamic Central Asia*. Budapest, 1979.

С того времени число сторонников ранней датировки кушано-сасанидских серий умножилось, и эта датировка в современной литературе стала единственной⁴⁰. В последнее время решительные доказательства справедливости более ранней схемы получены благодаря новым эпиграфическим открытиям. Открытие Рабатакской надписи способствовало уточнению кушанской хронологии⁴¹. Сейчас все поздние даты для Канишки просто невозможны. Но для В.Г. Луконина и Р. Гебля поздние датировки кушано-сасанидских серий – результат принятия поздней даты Канишки. Таким образом, если считать, что те перестройки в комплексе, о которых только что говорилось, – результат сасанидских завоеваний, то они должны относиться ко второй половине III в., а может быть, даже и к середине этого века. Следовательно, никакого процветания в IV в. быть не может.

Как это ни странно, но в данной работе Б.Я. Ставиский совершенно не касается вопроса о том, когда окончательно был оставлен весь комплекс Кара-тепе.

Особое внимание автор уделил буддийскому комплексу на территории Гяур-калы (с. 94–100). Он дает его описание, основываясь на двух почти идентичных совместных публикациях Г.А. Пугаченковой и З.И. Усмановой⁴², которые рассматривали свои статьи как завершающую публикацию результатов исследований этого памятника. Соответственно они утверждали, что предварительные публикации по этому памятнику содержали ряд ошибок, которые устранены в данных работах. Б.Я. Ставиский в этом случае, как и обычно, механически следует за авторами – своими предшественниками.

Г.А. Пугаченкова и З.И. Усманова выделяют пять этапов (последний – период заупустения) существования комплекса, обрисовывают характер его на каждом из них, дают датировки начала сооружения и времени перестроек. Однако некоторые соображения заставляют отнести с известной долей настороженности к нарисованной картине. Отметим прежде всего, что в соответствии с принятой в ЮТАКЭ практикой основную роль в раскопках памятника играли студенты кафедры археологии САГУ, которые писали на основе своих раскопок курсовые и дипломные работы. Так было при начале раскопок памятника в 1960 и 1961 гг., а затем – в 1964–1966 гг. Автор данной рецензии руководил раскопками в 1962 и частично в 1963 г. З.И. Усманова непосредственно осуществляла только раскопки сангарамы в 1971–1978 гг. Естественно, что студент не может дать полноценный отчет о раскопках столь сложного памятника и ошибки в понимании его и интерпретации совершено неизбежны. Исходя из данного соображения я не могу удивляться наличию ряда неточностей, представленных в упомянутых выше статьях, поскольку данные статьи основаны в значительной мере на студенческих наблюдениях и выводах. Прежде всего, необходимо указать, что лестница, ведущая к ступе, находящаяся на северной стороне, не доколпана. Она зафиксирована в обеих указанных публикациях на том уровне, на котором раскопки ее были остановлены в 1962 г., но в то же самое время авторы публикаций представили ее как полностью завершенную вскрытием. Не могу не отметить и неточность плана платформы и ступы, где одна из стен лишена внешней грани. Чисто умозрительным в своей центральной части выглядит и –разрез север–юг, поскольку вскрытий здесь не производилось. Реконструкция ранней истории ступы сделана на основании узкого разреза с западной стороны, доведенного до того, что авторы считают внешней гранью ранней ступы. Однако представленный разрез никак не согласован с планом. На разрезе, в частности, появляются некие коридор 1 и коридор 2, никак не отмеченные на плане. Имеется и ряд других неточностей, которые заставляют усомниться в справедливости нарисованной картины.

Особого внимания заслуживает вопрос о времени строительства комплекса. Г.А. Пугаченкова и З.И. Усманова указывают, что в основании (платформе) ранней ступы было

⁴⁰ Brunner C.J. The Chronology of the Sasanian Kushanshahs // Museum Notes (The American Numismatic Society). 1971. 19; Cribb J. Gandharan Hoards and of Kushano-Sasanian and Late Kushan Coppers // Coin Hoards. 1981; Carter M.L. A Numismatic Reconstruction of Kushano-Sasanian History // Museum Notes (The American Numismatic Society). 1985. 30; Cribb J. Some Further Hoards and of Kushano-Sasanian and Late Kushan Coppers // Coin Hoards. 1985; Carter M.L. Early Sasanian and Kushano-Sasanian Coinage from Merv // Bulletin of the Asia Institute. 1990. 4; Cribb J. Numismatic Evidence for Kushano-Sasanian Chronology // Studia Iranica. 1990. V. 19. Fasc. 2.

⁴¹ Sims-Williams N., Cribb J. A New Bactrian Inscription of Kanishka the Great // Silk Road Art and Archaeology. 1995/96. V. 4; Симс-Вильямс Н. Новые бактрийские документы // ВДИ. 1997. № 3.

⁴² Пугаченкова Г.А., Усманова З.И. Буддийский комплекс в Гяур-кале Старого Мерва // ВДИ. 1994. № 1. С. 142–171; Пугаченкова Г.А., Усманова З. Buddhist Monuments in Merv // In the Land of Gryphons. Papers on Central Asian Archaeology in Antiquity / Ed. A. Invernizzi. Firenze, 1995. P. 51–81.

найденно 5 монет чекана Шапура II, и это заставляет датировать ее возведение временем не ранее середины IV в. Б.Я. Ставиский решает подправить авторов публикации и добавляет «или даже третьей четверти» этого века (с. 98). Однако вопрос с датой не столь прост, как это представлено и в публикациях и в следующей им работе Б.Я. Ставиского. Укажем прежде всего, что в обеих публикациях на разрезе указано место находки монет не Шапура II, а Шапура I. Необходимо также помнить, что в ходе первого периода раскопок (вероятно и позднее) были встречены как сасанидские, так и парфянские монеты, а также одна кушанская монета. Сейчас опубликованы только сасанидские монеты из коллекции ЮТАКЭ, так что картина – явно неполная. Относительно парфянских монет М.Е. Массон писал, что в ходе раскопок было получено «немало медных монет позднемаргианских эмиссий II–III вв. н.э.»⁴³. Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что их было достаточно значительное количество, несмотря на то что две из монет, определенных М.Е. Массоном как позднепарфянские маргианской эмиссии (одна отнесена им ко II в. н.э., а другая к II–III вв. н.э.) сейчас определены С.Д. Логиновым и А.Б. Никитиным, как принадлежащие чекану Шапура I⁴⁴. Кроме того, не опубликована и кушанская монета, отнесенная М.Е. Массоном к чекану Васудевы⁴⁵.

Таким образом, до тех пор пока не будут опубликованы все монетные находки, полученные при раскопках данного комплекса, вопрос о дате не может считаться решенным⁴⁶. Кроме того, имеются явные расхождения между данными археологов, публикующих результаты раскопок памятника, и нумизматов, издающих монетные находки ЮТАКЭ. Приведем примеры.

Обратим внимание на то, как фиксируются места находок датированных сасанидских монет III в. н.э., т.е. монет Шапура I (240–273 гг. н.э.) и так называемого «мервского всадника». Одна из монет Шапура I найдена «в заполнении»⁴⁷ нижней части ступы⁴⁸, еще две в помещении № 1 сангарамы, – т.е. в древнейшей части ее, на полу⁴⁹. Местонахождение еще двух монет – более неопределенное: одна в заполнении над платформой, другая – в заполнении к югу от платформы⁵⁰. Наконец, монета с так называемым «мервским всадником», которого С.Д. Логинов и А.Б. Никитин считают мервским правителем, зависимым от Шапура I, но который, вероятнее всего, был правителем, зависимым от Ардашира I, найдена в помещении № 17 сангарамы, т.е. в главном сакральном «узле» этой части комплекса (в северо-западном углу, между кирпичами)⁵¹. Находок монет последующих сасанидских правителей, вплоть до Шапура II, при раскопках буддийского комплекса не зафиксировано, хотя монеты Варахрана II (276–293) на других памятниках Гяур-калы встречаются.

Г.А. Пугаченкова и З.И. Усманова, а также вслед за ними Б.Я. Ставиский указывают, что в платформе ранней ступы найдено пять монет Шапура II. В то же самое время в публикации монет из раскопок ЮТАКЭ говорится только о двух монетах этого правителя, найденных в платформе⁵². При этом обе эти монеты нуждаются в специальном обсуждении. Первая из них относится к группе 2 (по классификации С.Д. Логинова и А.Б. Никитина). Особенности этой группы было то, что штемпеля для оборотной стороны были переделаны из штемпелей оборотной стороны монет предшествующего сасанидского царя

⁴³ Массон М.Е. Из работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции Академии наук Туркменской ССР в 1962 г. // Известия АН Туркменской ССР. Сер. обществ. наук. 1963. № 3. С. 51. См. также Koshelenko G.A. The Beginning of Buddhism in Margiana // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. T. XIV. Fasc. 1–2. P. 175 (со ссылкой на определения монет, сделанные М.Е. Массоном).

⁴⁴ Loginov S.D., Nikitin A.B. Sasanian Coins of the Third Century from Merv // Mesopotamia. 1993. XXVIII. P. 236. № 69, 70.

⁴⁵ Массон. Ук. соч. С. 51.

⁴⁶ Отметим те наблюдения, которые были сделаны публикаторами относительно керамики, найденной во время раскопок комплекса. Она состоит из трех групп: одна датируется II–I вв. до н.э., вторая – II–IV вв. н.э., третья V–VI вв. (Пугаченкова, Усманова. Ук. соч. С. 147–1459; Pugačenkova, Usmanova. Op. cit. P. 60–61).

⁴⁷ Термин «filling», используемый С.Д. Логиновым и А.Б. Никитиным, видимо, надо переводить как «заполнение».

⁴⁸ Ibid. P. 236. № 67.

⁴⁹ Ibid. P. 236. № 70, 71.

⁵⁰ Ibid. P. 236. № 68, 69.

⁵¹ Ibid. P. 239. № 141.

⁵² Loginov S.D., Nikitin A.B. Coins of Shapur II from Merv // Mesopotamia. 1993. XXVIII. P. 256, 262. № 13, 105 (обе монеты М.Е. Массон определял, как принадлежащие к чекану Шапура I).

Хормизда II (303–309)⁵³. Естественным будет предположение, что эти монеты должны относиться к самому началу царствования Шапура II, как это и считал Дж. Крибб, писавший, что они были отчеканены в период – около 309 г. С.Д. Логинов и А.Б. Никитин вместо этого естественного предположения относят чеканку монет к концу царствования Шапура, создавая совершенно фантастическую картину – штемпеля хранятся на монетном дворе Мерва несколько десятилетий. Абсолютная нереалистичность этой картины заставляет нас принять датировку Дж. Крибба – найденная здесь монета Шапура II была отчеканена вскоре после восшествия на престол этого царя. Вторая монета относится к группе 5 (по классификации С.Д. Логинова и А.Б. Никитина). Для нее характерен тип оборотной стороны, заимствованный из кушано-сасанидского чекана: алтарь огня с поднимающимся над ним бюстом божества. Несомненно, что этот тип оборотной стороны восходит к кушано-сасанидским прототипам и соответственно должен относиться к началу царствования Шапура II, как это показал Дж. Крибб. Отнесение данной группы монет С.Д. Логиновым и А.Б. Никитиным к периоду после 350 г.⁵⁴ ничем не обосновано и не может быть принято. Мы можем найти только одно объяснение для их позиции – желание спасти все, что возможно, из хронологической схемы В.Г. Луконина, которая, как известно, создавалась исходя из идеи, что кушанское наместничество Сасанидов возникло только после походов Шапура II. В свою очередь данная мысль определялась поздней датой Канишки. Поздняя же дата сейчас никак не может быть принята.

Публикаторы допускают и другие ошибки, связанные с датировкой отдельных этапов существования данного сооружения. Четвертый период они датируют временем незадолго до конца V в.⁵⁵ Основанием для этого служат находки монет Шапура II (307–379) и Ковада I (419–479) (sic!). Пятый период – забутовку ступы – авторы относят ко времени Хосрова I (531–579), что кажется не очень обоснованным, так как при раскопках было найдено 10 монет этого правителя⁵⁶. Достаточно сказать, что по числу монет только Шапур II превосходит Хосрова. К его чекану относятся 28 монет. Вероятнее всего, время прекращения функционирования – период царствования Хормизда IV (579–590), поскольку только одна монета относится ко времени его царствования⁵⁷.

Таким образом, картина, представленная публикаторами памятника и заимствованная Б.Я. Стависким, далеко не отвечает реальности. На сегодняшнем уровне изученности не исключается категорически возможность создания памятника в самом конце парфянского – начале сасанидского времени. Необходимо учитывать возможность ошибки неопытного студента-раскопщика, попадание монет Шапура II из верхних слоев (авторы сами отмечают разрушение кладки именно в этом месте), но особенно печально отсутствие публикации парфянских монет из раскопок памятника. В самом крайнем случае возможно допустить строительство ступы при Шапуре II, но тогда – в самом начале его царствования.

Рассмотрение этого памятника наглядно показывает основной недостаток данного раздела книги – полное отсутствие самостоятельной проработки материалы со стороны автора, который ограничивается воспроизведением того, что написали до него.

Отмечу, кстати, что я полностью согласен с мнением З.В. Сердитых, которая писала в связи с представлением автором материала другого буддийского памятника Мерва о недопустимых методах полемики, используемых Б.Я. Стависким⁵⁸.

При анализе следующего раздела, носящего название «Важнейшие находки предметов, связанных с буддизмом», естественно встают вопросы: каковы критерии выделения именно этих находок, как из них автор считает важнейшими? Однако ответов на эти вопросы в работе нет. Данный раздел ничем не отличается от предыдущего: здесь также нет собственного исследования, автор практически всегда повторяет то, что писали его предшественники, но здесь имеются и собственные недостатки. Главный – отсутствие в сводке целого ряда предметов, которые должны в ней присутствовать.

Среди отдельных находок, связанных с буддизмом, больше всего терракотовых статуэток. Уже ранее отмечалось, что этот список не полон. Б.Я. Ставиский не учел, например,

⁵³ Carter. A Numismatic Reconstruction... Pl. 51, 51, 55; Cribb. Numismatic Evidence... P. 166–167. Pl. VI, 62, 63; Loginov, Nikitin. Coins of Shapur II... P. 249.

⁵⁴ Loginov, Nikitin. Coins of Shapur II... P. 249.

⁵⁵ Пугаченкова, Усманова. Ук. соч. С. 146; Pugačenkova, Usmanova. Op. cit. P. 60–61.

⁵⁶ Loginov S.D., Nikitin A.B. Sasanian Coins of the Late 4th – 7th Centuries from Merv // Mesopotamia. 1993. XXVIII. P. 286–290, № 171–176, 216–218, 226.

⁵⁷ Ibid. P. 291. № 229.

⁵⁸ Сердитых. Ук. рец. С. 360.

одну статуэтку из Мервского оазиса⁵⁹. Важнее, однако, другое. Автор пропускает очень большое количество терракотовых статуэток из Северной Бактрии. Отметим, что им не учтены семь статуэток, происходящих из Старого Термеза, Хатын-рабат, Исмаил-тепе, Хайрабад-тепе⁶⁰. Поражает то обстоятельство, что автор никак не откликнулся на идеи В.А. Мешкерис. Она выделила среди раннесредневековых терракотовых статуэток тогда большую группу, которую она связала с буддизмом⁶¹. Б.Я. Ставиский при написании обобщающей работы по истории буддизма должен был несомненно откликнуться на это предположение и – или принять его или обоснованно отвергнуть. При рассмотрении штампов на керамике автор выпускает из виду одну из публикаций, в которой отмечаются штампы буддийской тематики⁶².

В целом необходимо признать, что этот раздел – главная часть книги – производит очень неблагоприятное впечатление. Компилятивная сводка, причем не всегда полная, лишенная собственного исследовательского вклада автора, – так, видимо, можно оценить ее.

Не многое можно сказать и об «Экскурсах». В первом из них говорится о типологии ступ, обнаруженных в Средней Азии. Во втором – о типах монастырей, в третьем – о храме. Наиболее интересен последний из экскурсов – «Дом символов» и «дом образа» в буддийских памятниках Средней Азии». Однако, как выясняется, данный экскурс является пересказом работы Т.К. Мкртычева, в то время еще не опубликованной.

Важная проблема – структура монастырей. Уже раскопанные монастыри позволяют сделать некоторые заключения об их архитектурном облике. В литературе уже указывалось, что использовалось несколько планировочных схем: одно-, двух- и трехдворовые монастыри, генезис которых восходит к индийской традиции⁶³; монастыри одноэтажные и, частично или полностью, двухэтажные (Аджина-тепа); монастыри с главной ступой внутри комплекса или вне его и т.д. Все это становится ясным при использовании сравнительных материалов из Индии, Афганистана и Восточного Туркестана⁶⁴.

Большие сложности вызывает проблема структуры, назначения и культовой иерархии отдельных частей монастырей и храмов, реконструкция места проведения некоторых буддийских церемоний. Применительно к среднеазиатским буддийским памятникам такая попытка была впервые предпринята Б.А. Литвинским три десятилетия назад⁶⁵. Именно тогда были соотнесены упоминаемые в буддийских источниках «помещения со ступой» и «помещения с изображениями (Будды)» с конкретными помещениями одного из монастырей. Сейчас к этой теме вновь обратился Б.Я. Ставиский, и в этот раз забыв, впрочем, упомянуть о своих предшественниках. В специальном экскурсе (с. 172–178) он лишь повторил давно известные положения и даже не попытался выделить другие части буддийских монастырей, также известные по письменным источникам⁶⁶.

Рассмотрим теперь те основные выводы, к которым приходит Б.Я. Ставиский. Таких основных выводов несколько. Кратко они могут быть сформулированы следующим образом. Открытие памятников буддизма в Средней Азии в 60-е годы породило у советских исследователей определенную эйфорию. В этом состоянии они пришли к единому мнению, что буддизм пришел в Среднюю Азию с юга, из-за Гиндукуша, а также к выводу о том, что Среднеазиатский регион сыграл выдающуюся роль в распространении этого учения на Восток. Теперь же, по мнению Б.Я. Ставиского, пришла пора пересмотреть эти выводы.

Конечные выводы автора следующие: 1) Среднюю Азию нельзя рассматривать как единый регион, бывший «ретранслятором» буддизма на Восток; 2) в каждой из областей

⁵⁹ *Gaihov V., Kochelenko G., Novikov S. Nouveaux documents pour une histoire des religions dans le Turkménistan méridional à l'époque parthe et sassanides // Histoire et cultes de l'Asie Centrale préislamique. Sources écrites et documents archéologique // Sous la direction de P. Bernard, F. Grenet, P., 1991. Pl. XXXIX.*

⁶⁰ *Abdullaev K. Buddhist Terracota Plastic Art in Northern Bactria // Silk Road Art and Archaeology, 5. Kamakura, 1997/98. P. 161–177.*

⁶¹ *Мешкерис В.А. Согдийская терракота. Душанбе, 1989. С. 177–183.*

⁶² *Novikov S. Finds from Sanctuary and Public Building Excavation at Zar-tepe // Information Bulletin (Intern. Association for Study of the Cultures of Central Asia). Issue 20, 1996. P. 28.*

⁶³ Детальный анализ: *Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджина-тепа. Архитектура. Живопись. Скульптура. М., 1971. С. 52 сл.*

⁶⁴ *См. Литвинский Б.А. Архитектура и строительное дело // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Архитектура. Искусство. Костюм / Под ред. Б.А. Литвинского. М., 2000. С. 202–213.*

⁶⁵ *Литвинский, Зеймаль. Ук. соч. С. 51 слл.*

⁶⁶ *Geiger W. Culture of Ceylon in Medieval Times. Wiesaden, 1960. P. 94–96.*

судьбы буддизма складывались по-своему. Б.Я. Ставиский дает свое описание судеб буддизма в каждой из этих областей. Любопытно, что при этом вдруг в тексте (в частности в параграфе, посвященном Согду) появляются некоторые археологические свидетельства, которые автор почему-то не включил в основную часть работы⁶⁷.

Прежде всего отмечу, что относительно эйфории очень хорошо сказано З.В. Сердитых, и я позволю себе процитировать: «Отметим, прежде всего, что мы не можем оспаривать утверждения автора о его собственном состоянии. Другое дело иные названные им исследователи (имеются в виду Б.А. Литвинский и Г.А. Пугаченкова. – Г.К.). О них мы, естественно, можем судить только на основании их трудов. Можно смело утверждать, что никаких признаков эйфории в этих трудах не наблюдается. Если мы их внимательно рассмотрим, то увидим спокойное, деловое исследование буддийских памятников, попытки анализа их в контексте всех известных тогда данных о буддизме и иных религиозных системах, известных данных об общественных отношениях, культурной атмосфере»⁶⁸. Второй упрек Б.Я. Ставиского – относительно того, что не учитывались различия в судьбах буддизма в разных областях, – абсолютно надуман⁶⁹. Наконец, разве есть какие-либо сомнения в том, что буддизм пришел в Среднюю Азию с юга? Могут ли те немногие свидетельства о контактах буддистов Семиречья с буддистами Китая, приводимые Б.Я. Стависким, опровергнуть надежный вывод о том, что основное движение все-таки шло с запада⁷⁰?

Однако я хотел бы обратить основное внимание на другое, много более важное обстоятельство. По моему представлению, Б.Я. Ставиский просто не имел права делать какие-либо общеисторические выводы. Как всем известно, сколько-нибудь значимые выводы могут быть сделаны только в том случае, если автор использовал все доступные ему источники. К сожалению, ничего похожего в данном случае нет. В книге представлена не совсем полная и, в сущности, не проанализированная свodka археологических материалов. Более того, Б.Я. Ставиский даже в этом кругу источников оставил безо всякого внимания многие важные вопросы, исследование которых необходимо для создания сколько-нибудь полноценной картины. Им не проанализированы все вопросы, связанные с иконографией. Автор даже и не пытался подвергнуть анализу те письменные источники, которые были получены в результате раскопок, т.е. как рукописи, так и настенные надписи и надписи на керамике. Приведу только один пример того, как много дают эти материалы. Рукопись, найденная в руинах ступы, находившейся рядом с Гяур-калой в Старом Мерве, содержит не сами канонические тексты, а выдержки из них, цитаты, краткие пересказы отдельных сюжетов с авторскими пометками, т.е. она представляет собой совершенно уникальный памятник миссионерской буддийской литературы⁷¹. Практически им не использованы и те эпиграфические источники, которые найдены на Кара-тепе, хотя они дают очень важный материал для решения целого ряда важнейших вопросов⁷².

Кроме того, Б.Я. Ставиский совершенно не использовал богатейший материал буддийской традиции. Отдельные бессистемные упоминания фактов, почерпнутых из традиции, не могут, конечно, заменить подлинного ее анализа. Не исследована в книге и арабская мусульманская традиция, которая может дать достаточно обильную информацию⁷³. Автору не пришлось в голову использовать данные манихейской традиции, ясно показывающей, что для ранних манихеев страна, населенная парфянами (Хорасан), – это страна, в которой буддизм распространен очень широко, так же как в Индии и стране Кушан⁷⁴.

Совершенно не изучены под необходимым углом зрения данные нумизматики, например,

⁶⁷ О них см. *Marshak B., Raspopova V. Buddha Icon from Pandjikent // Silk Road art and Archaeology. 5. Kamakura, 1997/98.*

⁶⁸ *Сердитых* Ук. рец. С. 360–361.

⁶⁹ Особенно это верно в отношении работ Б.А. Литвинского. Укажем, кстати, что Б.Я. Ставиский ни разу не сослался на его этапную работу: *Litvinsky B.A. Outline History of Buddhism in Central Asia. Moscow, 1968.*

⁷⁰ См. *Литвинский Б.А. Буддизм // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М., 1992. С. 430–431.*

⁷¹ *Воробьева-Десятковская М.И. Находки санскритских рукописей письмом брахми на территории советской Средней Азии // Санскрит и древнеиндийская культура. Т. I. М., 1979; Литвинский. Буддизм... С. 437.*

⁷² См. *Вертоградова*. Ук. соч.

⁷³ См., например: *Bulliet R.W. Naw Bahar and the Survival of Iranian Buddhism // Iran. 1976. XIV.*

⁷⁴ *Tardieu M. La diffusion du buddhisme dans l'empire Kouchan, l'Iran et la Chine, d'après un Kephalaion manichéen inédit // Studia Iranica. T. 17. Fasc. 2, 1988. P. 153–182.*

монеты Канишки с изображением Будды⁷⁵ или монеты некоторых эфталитских правителей с легендами, позволяющими трактовать их как буддийские⁷⁶. Наконец, даже не упоминаются данные лингвистики, которые отчетливо показывают, например, что парфянский язык именно в аршакидское время заимствовал значительное число буддийских (санскрит и северо-западный пракрит) терминов⁷⁷.

Все эти соображения заставляют считать, что данная работа не может рассматриваться как сколько-нибудь успешная попытка создать очерк истории буддизма в Средней Азии.

Г.А. Кошеленко

© 2001 г.

GAROL G. THOMAS, C. CONANT. *Citadel to City-State. The Transformation of Greece, 1200–700 B.C.E.* Bloomington – Indianapolis: Indiana University Press, 1999. 201 p., ill.

Вопрос о происхождении полиса до сих пор остается основополагающим в античной историографии. В последнее время благодаря новым археологическим открытиям ученые могут с большей вероятностью судить о самых ранних этапах становления полиса¹. Авторы К. Томас и К. Конант в своей монографии «Цитадель на пути к полису. Преобразование Греции, 1200–700 гг. до н.э.» обобщили результаты многолетних исследований своих предшественников – археологов, историков и этнологов и попытались пролить свет на многие нерешенные вопросы.

В «Предисловии» авторы объясняют выбор темы своей монографии тем, что относительно немного работ посвящено «Темным векам» по сравнению с другими периодами греческой истории, хотя эти четыре века (ок. 1150–750 гг. до н.э.) заслуживают внимания не только потому, что они являются связующим звеном между цивилизациями бронзового века и классической Греции, но и в силу своей собственной ценности (с. IX). Каждое из столетий «Темных веков» имеет свои характерные особенности и может быть изучено на примере раскопанного и хорошо исследованного памятника, причем выбор памятников определен не только целями авторов, но и степенью их изученности (с. XII).

Во «Введении» сформулирована задача работы: поскольку «Темные века» были свидетелями постоянных изменений, шедших хоть и черепашьим шагом, однако именно они и составляют суть каждого из четырех столетий, поэтому нужно проследить и охарактеризовать этапы этих преобразований от эпохи бронзы до зарождения архаического полиса (с. XXX). В соответствии с поставленной задачей монография разбита на 6 глав, имеющих четкую внутреннюю структуру. Сначала дается сущностная характеристика столетия, периодизация «Темных веков» для каждого из рассматриваемых памятников, затем локализация и археологическое описание памятника. После чего, основываясь на результатах

⁷⁵ См., например: *Fussman G. Monnaie d'or de Kaniska inédit. au type du Buddha // Revue numismatique. 1982. Sér. 6. T. 24; Tanabe K. Kanishka I's Coins with Buddha Image on the Reverse and Some References to the Art Gandhara // Oriens. 1974. X.*

⁷⁶ *Литвиц В.А. К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе // Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969; Литвицкий. Буддизм... С. 430.*

⁷⁷ См., например: *Sims-Williams N. Indian Elements in Parthian and Sogdian // Sprachen des Buddhismus in Zentralasien. Vorträge des Hamburger Symposions vom 2. Juli bis 5. Juli 1981 / Hrsg. von K. Röhrborn, W. Veenker. Wiesbaden, 1983.*

¹ В отечественной историографии этой проблематикой наиболее плодотворно занимался Ю.В. Андреев. См. его монографию «Раннегреческий полис (гомеровский период)». Л., 1976 (особенно гл. I «От микенской цитадели к городу-государству. Археологическая картина периода»). В этой работе, написанной 25 лет назад, ученый подчеркнул скудость археологического материала для периода «Темных веков» (который был временем начала формирования полиса), отметив, что это «не дает возможности раскрыть проблему полностью» (ук. соч., с. 17), тем не менее, на примере известных в то время памятников ему удалось сделать основополагающие наблюдения о путях развития полисов на ранних этапах, о его характерных особенностях, которые не утратили своей актуальности и сейчас.